

Староста услышал это и поспешно замахал руками:

— Сяолан, такие вещи нельзя говорить.

Старик, держа фонарь, пошёл обратно, поглаживая бороду и глубоко вздыхая:

— По логике, ты прав. Но наша деревня маленькая и далеко расположена, деньги, которые мы с трудом откладываем, даже не покрывают чаевые, которые дают богачи. Так что на что нам надеяться? Если удастся пригласить учеников настоящих мастеров, то и ладно. Ведь даосы из храма Сокрытого Ветра действительно обладают силой, пусть и не самые лучшие.

Так как уже была глубокая ночь, некоторые, кто собирался на рынок или продавать товары, уже встали, ведь они обычно выходили в четвёртую стражу. Деревня начала оживать.

Староста, будучи пожилым, не торопился. Он вернулся домой, где его жена всё ещё плакала над телом собаки.

Старший сын старосты принёс дрова, чтобы утром развести костёр за деревней и сжечь тело, а затем вырыть яму для захоронения. Однако с дырой в крыше он был в затруднении.

Мо Ли естественно предложил свою помощь, сказав, что раньше уже ремонтировал крыши.

Старший сын старосты был удивлён, так как Мо Ли не выглядел человеком, способным на тяжёлую работу.

К счастью, черепица и кирпичи были в каждом доме, особенно зимой, чтобы вовремя заделывать протечки. В доме старосты не было такой бедности, чтобы не хватало на самое необходимое, и старая черепица всё ещё была пригодна.

Мо Ли не хотел привлекать внимание, поэтому воспользовался лестницей старосты и, как только поднялся на крышу, вытащил песчанку, которая висела у него на ноге.

Весь путь он шёл с трудом, стараясь выглядеть непринуждённо.

Мо Ли не мог винить Мэн Ци, ведь песчанка вела себя тихо, не шевелилась и не лезла вверх. Нога — это как локоть, не самое чувствительное место, можно и потерпеть.

Песчанка не спеша причёсывала свою шерсть, приводя её в порядок.

Мэн Ци уже догадывался о личности вора, но, будучи в облике песчанки, не мог говорить, поэтому терпеливо наблюдал, как Мо Ли ремонтирует крышу.

Дыра была немаленькой, но не критичной.

Балки крыши остались целы.

Мо Ли убрал повреждённую черепицу и начал аккуратно укладывать новую, делая это быстро и качественно.

Когда он жил на горе Цимао, храм горного духа, где он и Цинь Лу жили, был старым и часто протекал. Как только Мо Ли подрос и освоил цингун, он сам начал ремонтировать крышу.

Цинь Лу, убедившись, что ученик не упадёт, позволил ему делать это.

Ученик должен помогать учителю, и починить крышу — не такая уж большая проблема.

Позже, когда Мо Ли работал врачом в уезде Чжушань, он заметил, что половина травм, которые он лечил, были связаны с падениями с крыш. Если в семье не было взрослых мужчин, Мо Ли, взяв плату за лечение, осматривал и крышу, обычно это были мелкие проблемы, которые он легко устранял.

Такую большую дыру нужно было бы заделывать каменщику.

Провинция Пин не была похожа на Юн, где ветры и снега были сильнее, и дома должны были быть крепче.

Мо Ли, поднявшись на крышу, понял, что раньше у старосты были средства, дом был построен крепко, балки толстые, и черепицы хватит, чтобы закрыть дыру.

Сын старосты поднялся по лестнице, чтобы подать черепицу, так как боялся, что в темноте Мо Ли не увидит, и взял фонарь.

Мо Ли махнул рукой, показывая, что не нужно, и, подняв голову, увидел женщину с ребёнком, которая смотрела из соседнего двора. Увидев, что сын старосты тоже лезет по лестнице, женщина поспешила уйти в дом.

Мо Ли продолжил расспрашивать о храме Сокрытого Ветра, и сын старосты говорил более прямо, без стольких запретов.

Оказалось, что даос, которого приглашали в деревню, был не из основного храма Сокрытого Ветра, а из маленького храма под названием Цинфэнгуань, расположенного рядом с уездом Цюн, но представлявшего себя как часть храма Сокрытого Ветра.

Это была практика боевых школ, где обычные люди или те, кто не имел высокого статуса, могли общаться только с внешними учениками.

Внутренние ученики получали истинные знания, а внешние учились лишь основам, занимаясь в основном делами, приносящими деньги.

Мо Ли понял, что такой даос, обманывающий деревню, не имел ценной информации, и коробка на крыше была просто обманом, без скрытого смысла.

Странно, но если это так, почему воры продолжали лазить по крышам?

Мо Ли закончил ремонт крыши, но рассвет ещё не наступил, и в деревне уже начали готовить завтрак.

Это было первое февраля, на следующий день был праздник вызова дождя. Хотя даоса не приглашали, но все приготовления нужно было сделать. Поэтому жители рано начали суетиться, кто-то пошёл на рынок, кто-то остался в храме предков, чтобы подготовиться к обряду.

Вор, который был без сознания, был связан в храме предков, и его охраняли семь или восемь мужчин.

Старший сын старосты, увидев, что крыша починена, почесал затылок, смущённо поблагодарил Мо Ли и пошёл в храм предков. Его семья пострадала, и он хотел узнать, что произошло.

Песчанка последовала за ним. Мо Ли хотел остановить её, но не мог сделать это на глазах у семьи старосты, поэтому позволил ей уйти.

Староста настаивал, чтобы Мо Ли остался ещё на день, так как ночью он не выспался, и днем было бы тяжело идти.

Мо Ли и сам хотел выведать информацию у вора, поэтому согласился.

Войдя в дом, Лекарь Мо снова собрал свои вещи. Броня из золотых нитей, которая чуть не стала причиной беды, была спрятана на самом дне, и он начал размышлять, слышала ли семья старосты крик вора ночью.

Крик был громким, а ночь тихой.

Возможно, они слышали, но не поняли, что это было «золотые нити».

В наши дни большинство людей говорят на диалектах, и, если только они точно не знали, что это Броня из золотых нитей, или не были одержимы деньгами, они бы не сразу поняли, что это «золотые нити».

Двор был немаленьким, и, по сравнению с семьёй старосты, соседи, жившие за стеной, могли слышать лучше.

Мо Ли задумчиво посмотрел в ту сторону.

Если он не ошибался, это был дом того самого ребёнка, который так громко плакал, и, когда он ремонтировал крышу, видел женщину, чья одежда была вся в заплатках, и ребёнок был одет так же.

В бедных семьях дети в этом возрасте обычно носят что попало, так как быстро растут, и в народе существует обычай одевать детей в «одежду ста семей», поэтому даже одежда, вся в заплатках, была обычным явлением, и Мо Ли не придавал этому значения.

Вчера, когда он видел взрослых из семьи ребёнка, их одежда была нормальной, почему же дома они одевались так бедно?

Дом соседей был немаленьким и не выглядел разрушенным, его ремонтировали несколько лет назад, значит, раньше жили неплохо.

Если в семье вдруг не стало денег, но они старались это скрыть, то, помимо гордости, у них могла быть и тайна.

Кроме того, есть три основные причины, по которым семья может быстро обнищать: стихийное бедствие или воровство, тяжёлая болезнь, азартные игры или разгульная жизнь.

Стихийное бедствие — это серьёзно, но даже если бы в доме что-то украли, это не удалось бы скрыть, так что это не могло быть первой причиной. В этой деревне все семьи собирали и продавали травы, так что они знали о медицине. Если бы кто-то серьёзно заболел и потратил все деньги на лечение, жители бы знали об этом.

Значит, оставалась только последняя причина?

Мо Ли не был уверен, вдруг женщина просто надела старую одежду?

Только он подумал об этом, как у окна раздался шум.

Круглая песчанка с трудом пролезла через щель в окне, потеряв пару волосков.

Мо Ли поспешно достал одежду из сумки, снова закрыл дверь и, обернувшись, увидел в комнате уже человека.

Мэн Ци не спеша одевался и, увидев Мо Ли, поднял бровь.

Мо Ли долго смотрел на грудь и живот Мэн Ци, пока тот не натянул рубашку.

— Что, лекарь? — спросил Мэн Ци, хотя знал ответ.

Лапки песчанки ощутили, что тело лекаря было довольно худощавым.

Так как их облик был фиксированным, с изменением только возраста, и они не могли стареть или изменять вес, то стать огромным могучим воином было невозможно.

Мэн Ци был доволен своим «человеческим» обликом, а Мо Ли, по его мнению, выглядел менее внушительно.

Судя по себе, Государственный наставник Мэн решил, что лекарь, возможно, завидует ему.

Мо Ли: «...»

<http://bllate.org/book/15299/1351878>